

Основано на собственных наблюдениях
Франсафрики, Йемена, Сирии, Ирака и других
конфликтных территорий. Большинство героев
реальны, их истории литературно обработаны, имена
и фамилии изменены, а совпадения случайны.

ЧАСТЬ I

1

ПТЕНЧИК

*Регион Тимбукту, пять километров к юго-востоку
от внутренней дельты реки Нигер*

Место для засады на французов выбрали подходящее: посреди редколесья суковатых акаций у дороги из красного железистого гравия, почти забытой в нынешние военные времена. Высокая девушка в серой бейсболке положила калашников на капот большого щелястого внедорожника и принялась рассматривать свои руки. Нет, это уже не руки дочери шейха — на костяшках смуглых кулаков ощутимые мозоли от ежедневных отжиманий от пола; несколько мелких рубцов, оставшихся с детства после ударов по зубам каким-то мальчишкам; немного утолщенный сустав большого пальца после перелома пястной кости в финале первенства

по тайскому боксу (выигранном!); с внешней и внутренней стороны левой кисти белесый гипертрофический шрам длиной в полтора сантиметра — следствие спарринга по ножевому бою в Военной академии, когда инструктор Гленн проткнул ей насквозь ладонь ножом из армированного пластика, а она в запальчивости в ответ рубящим ударом перебила британскому наемнику ключицу. Но это ладно. Хуже другое. За полгода, проведенные в пустыне, обезвоженная кожа на руках стала тусклой и покрылась белым налетом. Ногти словно припудрили. Они потеряли естественный блеск и стали как у покойника. Началось расслоение ногтевых пластин. Еще немного скитаний по дикой сухой местности, и она станет человеком без ногтей. Завтра они ограбят французов... нет, лучше сказать, экспроприруют. На родине дослужилась до капитана госбезопасности, а здесь, в Африке, вот-вот скатится до грабежа. О, Аллах, прости все грехи и проступки! Уже совсем скоро местный бандит Омар Хомахи расскажет ей о настоящих причинах смерти матери. И тогда можно эвакуироваться из проклятой пустыни. Она больше никогда не увидит людей с синими тряпками на лице.

Девушка запрыгнула на водительское сиденье внедорожника и без надежды покрутила ручку автомагнитолы. Ни радио, ни газет, ни фейсбука. Небольшой куполообразный шатер из козьих и муфлоньих шкур, окрашенных красноватой охрой, проржавевшая японская колымага — вот и весь их повстанческий лагерь.

Зимнее солнце стало посматривать в сторону Магриба, и человек без лица принялся разжигать огонь

из колючек и сухого помета на ржавом, чуть теплом песке. Дядюшка Орион, старший партизанской группы, вместо обсуждения плана предстоящей операции потер неоднократно сломанный нос и безмятежно полез отдыхать в палатку. О Аллах! Она присела на корточки у костра, и человек без лица впервые (после утреннего знакомства) обратился непосредственно к ней:

— Медина — это имя или позывной?

— Имя.

— Знаешь, что оно означает?

Девушка молчала.

— «Блестательный город», если перевести с арабского.

А этот тип не был простаком. Может, даже умел читать, что редкость для мужчин с синей тряпкой на лице.

— Медина, а ведь верно люди говорили, ты и вправду похожа на нашу царицу Тин-Хинан. Тоже высокая, зеленоглазая, сильная...

Как же они надоели с этой своей Тин-Хинан! В Мали она оказалась в начале жаркого лета, а сейчас уже зима, ветреный декабрь.

Человек без лица как бы в подтверждение своих слов несколько раз энергично кивнул синим тюрбаном. Его лицо было закрыто до самых глаз, и вот это раздражало больше всего. У здешних мужчин нет лиц, только глаза. Серые, голубые, черные или, как у этого типа, желтые, обведенные углем. Они смотрели из узкой щели между тюрбаном и вуалью, как из амбразур. Говоря языком следователя или оперативника, а у себя на родине она успела поработать и тем и дру-

гим, составить словесный портрет мужчины-туарега невозможно. И понять, о чем он думает, тем более.

— Медина, а сколько тебе лет? Двадцать пять?

— Да.

— Значит, через пять лет ты сможешь выбрать себе мужа. Выберешь меня?

— Пока сюда ехали, ты болтал мало, и это было неплохо, — резко сказала, и ее ответ человеку без лица не понравился.

— Говорят, ты владеешь боевым джиу-джитсу? — Он недоуменно пожал плечами: мол, разве так бывает. — Такая красotka — и джиу-джитсу. Это забавно...

— Твое имя в переводе означает Орел? — спросила она недружелюбно и подложила хворостину в костер. В глазах цвета лесной ночи мелькнули два дракона. — А ты и вправду орел?

— Тебе виднее, Медина... Покажешь коронный удар?

— До ближайшего спортзала километров восемьсот. Если по прямой.

— А у нас тут свой стадион! — Оказывается, этот тип мог феноменально быстро переходить со спокойного тона на дерганый фальцет. — И стрелковый тир настоящий! Ну, давай! Покажи, что ты за боец! — Он вскочил на ноги, скинул плащ из тонкого серого войлока с капюшоном, отпрыгнул от огня и приготовился к воображаемому нападению: выставил перед собой левый кулак, а правым прикрыл подбородок. Сухой и длинный, как все туареги.

— Хорошо, Орел, раз ты настаиваешь. — Она встала с корточек и по привычке провела руками по волосам, убранным назад в несколько тугих косичек, по-

правила воображаемый хиджаб. Никак не привыкнет, что местные мусульманки платки не носят. — На все воля Аллаха, — и повернула серую, без надписей бейсболку козырьком назад. — Тебе уже есть восемнадцать?

— Конечно...

— То есть обряд посвящения в мужчины уже пройден? — уточнила скучным голосом и неожиданно оказалась рядом, на расстоянии удара. Быстро присела и без замаха ткнула Орла в голень подхваченным у костра камнем размером с незрелую грушу. Он охнул и согнулся. Она привстала и впечатала пустынный ботинок в его правое колено. Орел рухнул на песок и заклокотал горлом. — Сейчас добыю... — Она приблизила камень к его лицу: — Добить?!

— Не-е-ет!

Бросила галечник и шагнула к костру. Ну хоть размялась под вечер.

— Разве это джиу-джитсу? — Орел сидел на песке, растирал ушибленное колено и рассматривал камень.

— А ты думал, я буду прыгать перед тобой и мяукать, как Брюс Ли?

— Да-а... А если булыжника под рукой не окажется?

— Плесну в лицо кипятком и перережу ножом бедренную артерию.

— А если я вытащу меч из шатра?

— Достану пистолет и прострелю руку.

— И это тоже будет джиу-джитсу?

— Да, боевое... Ну, хватит болтать! Приготовь ужин!

К ее удивлению, Орел... нет, не Орел, скорее птенчик... послушался и пополз на четвереньках к ко-

стру. На треть закопченного чайника он насыпал заварку и потом так же много сахара. Для туарегов жизнь без очень сладкого чая — не жизнь. С расстояния сантиметров в тридцать выливал кипяток из чайника в граненые стаканчики, потом обратно — и так несколько раз, покуда в посудинках не образовывался толстый слой белой грязноватой пенки. Виртуозными движениями и синим тюрбаном на голове он напомнил ей фокусника бродячего цирка из старого американского фильма «Что-то страшное грядет». Она вздохнула. Сейчас нельзя расслабляться, думать о странах, где хотелось бы побывать. В начале лета она впервые в жизни покинула всегда беспокойный родной горный Йемен (еле-еле выбралась) и планировала временно осесть в Европе, чтобы получить нормальный паспорт, потом путешествовать, повидать белый свет. Наконец-то побывать на футбольном стадионе в Португалии, о котором постоянно вспоминал отец, благородный йеменский шейх (мир его праху!). И еще обязательно научиться плавать, глядя из прохладной чистой воды на скандинавские фьорды... Но по пути в Европу прилетела на неделю в Мали, на родину давно умершей матери, и застряла среди взбунтовавшихся кочевников-туарегов на полгода...

— Пенка в чае — для красоты! Мы, туареги, любим, чтоб было красиво! — сказал Орел слишком громко. Нелепую для зимней Сахары фразу он явно скопировал у старших.

— Наверное, я скоро умру от сахарного диабета. — Одним глотком она допила невыносимо сладкий чай.

— А просто жизнь должна быть сладкой, — важно сказал птенчик.

— Забавно это слышать, сидя посреди верблюжьего дерьма.

— А ты не задавайся! — крикнул он фальцетом. — Мне говорили, твой отец — араб из Саудии. Но у нас, у туарегов, родство передается по матери. Значит, ты — туарег, причем знатного рода! И твоя настоящая родина — наша пустыня!

Прокричавшись, он опустил завесу из синей ткани до подбородка, чтобы самому насладиться напитком. По привычке сравнивать людей с героями фильмов она решила, что птенчик похож на киноактера Нортонна, игравшего психа в «Бойцовском клубе», только глаза у него не синие, а желтые, аккуратно обведенные черным углем.

Орел допил чай и принялся распечатывать коробки с сухими пайками французской армии: пакеты с супом-пюре, мясное ассорти с утиным конфи, свинина по-креольски, паштет из оленины *Le pâté de la venaison de cerf*, пакетики с майонезом, мюсли, карамель *Dupont d'Isigny*, одноразовые ложки, салфетки. Жестяную банку со свининой он брезгливо взял двумя пальцами и бросил в сторону, как мусор. Туда же последовал шоколадный крем-десерт.

— Э-э, полегче! — она даже чуть повысила голос. — Пудинг-то чем тебе не угодил?!

— На упаковке написано, — со значением сказал птенчик и даже поднял вверх указательный палец, — что среди ингредиентов есть ликер, то есть алкоголь! Харам для мусульман! Строго запрещено!